

Майкл Урбан

ПОСЛЕ ЛИБЕРАЛИЗМА? ЭКОЛОГИЯ

После либерализма? Даже согласно обычным стандартам российской политико-философской дискуссии, это непростой вопрос. Я бы на него ответил так: либерализм — это дискурс, определяющий понимание социальной реальности, что необходимо для исследования последствий этого конкретного понимания для глобальной экологии и для предложения возможного политического реагирования на эти последствия. Я всячески пытаюсь избавиться от глубоко укоренившегося во мне из-за моей профессии страха перед спекуляциями [на эту тему]; мы не так далеко продвинулись в данном вопросе, как могли бы, а ведь он, на мой взгляд, является самым важным из тех, которые перед нами стоят.

Либерализм как дискурс. Под этим я подразумеваю, что мы имеем много разновидностей либерализма — классический, социальный, неолиберализм; не говоря уж о многих специфических вариантах этого понятия, каждый из которых имеет определенное сходство с тем, что сегодня называется «консерватизм» (а он тоже существует в самых разнообразных формах). Все это может создать впечатление, что данное понятие слишком неопределенно, чтобы им можно было пользоваться. Но именно тот факт, что вышеуказанные разновидности и варианты могут вступать в глубокую, осмысленную и устойчивую переключку друг с другом, свидетельствует, что они обладают общим основанием, принадлежат общему дискурсу. Это дискурс имеет основанием предположение презумпции индивидуального, опосредованной (естественными) правами человека. Собственность — вот главное право, о котором идет речь, что доказывается тем простым фактом, что она обуславливает реализацию всех остальных прав. Например: я пользуюсь всеми правами свободы слова и свободной прессы, если владею газетой или телестанцией; я извлекаю всю выгоду из права на справедливое судебное рассмотрение, если имею деньги, чтобы нанять первоклассного адвоката.

Понимание индивидуального благосостояния как обладания частной собственностью — это, конечно, самое главное в том экономическом порядке, который мы называем капитализмом. При таком положении дел во главе угла стоит индивидуум, а не общий интерес: индивидуумы контролируют будущее, обладая властью делать инвестиции и тем самым осуществлять это самое будущее; за исключением филантропической деятельности, «тело-

сом» инвестиций является индивидуальное благосостояние. В самом деле, данная система — наиболее прочная из всех, созданных когда-либо человечеством, и именно потому, что она позволяет проявляться невиданному количеству человеческой энергии в преследовании индивидуальных целей, непосредственно направленных на воспроизводство системного цикла накопления капитала. Тем не менее, на мой взгляд, самой важной особенностью капитализма является его способность осуществлять изменения в культуре. Если в прошлом развитие капитализма было связано с возникновением таких явлений, как трудовая этика, самодисциплина, отложенное вознаграждение и т. д., то сегодня капитализм стал синонимом постоянного вознаграждения, интенсивной рекламы (которая не только стимулирует желание, но и изменяет структуры личности) и новой культурной логики, которая связывает удовлетворение всех потребностей с потреблением товаров. Это включает в себя потребность в собственности и самоуважении, каковые при позднем капитализме обеспечиваются посредством социальной демонстрации [обладания] товарами.

Со временем мы все больше узнаем об экологических последствиях таких паттернов. И чем больше мы об этом узнаем, тем очевиднее, что мы недооценили их особенности и их надвигающиеся последствия. Осталось полтора поколения до полного исчезновения всех ледников? До полного таяния полярных льдов? И это, не говоря о таких эффектах взаимодействия или прямых последствиях, как глобальное потепление, ведущее к исчезновению определенных видов океанского планктона, что грозит такими необратимыми последствиями, как исчезновение практически всех форм жизни в океане. Коротко говоря, имеющиеся научные данные убедительно свидетельствуют о необходимости серьезно рассмотреть возможность связанной с деятельностью человека экологической катастрофы, вырисовывающейся на горизонте. И индивидуалистическая логика либерализма, похоже, бессильна перед лицом этой угрозы роду человеческому. Более того, эта угроза исходит от самого либерализма.

Если мы стоим перед угрозой катастрофы, о которой говорит понимание последствий глобального потепления — если эта катастрофа действительно произойдет — то, следовательно, каких политических решений мы должны ожидать? Мне представляется, что необходимо рассмотреть целый спектр возможных решений (я придерживаюсь здесь оптимистического сценария и не принимаю во внимание такие решения, когда экологические и социальные угрозы не рассматриваются как серьезные), на одном конце которого эко-фашизм, а на другом — эко-популизм. Эко-фашизм, для распространения которого понадобятся культурные изменения среди небольшой части населения — как, скажем, это было с большевизмом в России — представляется более вероятным из двух вариантов. Эко-фашизм — это такой вариант, когда небольшая группа преданных своему делу людей в ситуации экологического кризиса силой навязет обществу новые культурные паттерны поведения. Понятно, что это по необходимости начнется с уничтожения либерализма, отрицания первичности индивидуальных потребностей и т. д.

Эко-популизм тоже связан с подобными общими мерами, но он будет опираться — в отличие от того, как обычно понимают «популизм» в России, — на массовое движение, уже вовлеченное в выработку культурных изменений и ищущее поддержки от государства для широкого распространения этих изменений. Я понимаю под популизмом, следовательно, его американский вариант: массовое популистское движение, определявшее политическую повестку дня в конце XIX — начале XX веков, и чьи требования позже стали частью «Нового курса» Рузвельта.

Данные сценарии пока не очень очевидны, поскольку глобальное потепление еще не приняло критических масштабов. Но признаки будущих событий уже есть и уже существуют попытки предпринимать ответные меры: от воинствующих экологических групп наподобие «Earth First!» до некоторых форм религиозного фундаментализма, которые бросают вызов нынешней глобальной гегемонии либерализма в сфере культуры и, следовательно, стремятся сдержать и одолеть хищные силы, которыми он опутал планету.